

УДК 327.5

«World Order», «миропорядок» и «European Disorder»: конкуренция концептов

М. О. Гузикова, Д. И. Победаш

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург*

Аннотация. Политики США, Европы и России осознают нарастание хаоса в мировой политике и говорят о необходимости урегулирования миропорядка. Авторы статьи сравнивают соответствующие концепты, характерные для описания нового миропорядка. Американское видение проанализировано на основе мнений представителей как демократического, так и республиканского лагеря. Российская позиция озвучена президентом В. В. Путиным во время заседания Валдайского клуба в 2014 г. Для исследования европейского взгляда использована статья политологов И. Крастева и М. Леонарда «Новый европейский беспорядок». Выделены основные подходы к описанию мирового порядка, ценности, на основании которых могут строиться модели мирового порядка, а также темпоральное и пространственное измерение предлагаемых моделей. Сравнение данных моделей актуально на фоне появления новых вызовов в мировой политике и углубления противоречий между Россией и западными странами.

Американское и российское осмысление миропорядка выстраивается в рамках модерна, опирается на положения классического политического реализма. Европейская постмодернистская поствестфальская модель трансформировала идею вестфальского суверенитета и вряд ли может стать основой для построения глобального миропорядка. При отличии европейской оценки от американских и российских взглядов, объединяет всех то, что миропорядок будущего представляется всем в виде миропорядка регионов.

Ключевые слова: мировой порядок, миропорядок, Россия, США, Европа, концепт, вестфальский и поствестфальский мир.

Аксиомой доминирующей в теории международных отношений реалистской парадигмы является положение, что отношения между государствами анархичны, так как все государства в теории равны между собой и над ними нет верховной власти, обладающей средствами принуждения. Это базовая посылка вестфальского мироустройства, сложившегося по результатам Тридцатилетней войны. В основу межгосударственных отношений был положен принцип суверенитета, что означало независимость во внутренней политике и равенство государств во внешней.

Анархия в международных отношениях противопоставлялась упорядоченности в отношениях внутригосударственных и приводила, по выражению Т. Гоббса, к «войне всех против всех». Так как подобные войны на территории Европы не прекращались, государства стремились к упорядочиванию между-

народных отношений, к созданию систем коллективной безопасности, выработке неких правил игры, т. е. к установлению мирового порядка. Данные системы мирового порядка, оставаясь подсистемами вестфальского мира, в теории международных отношений стали известны как венская система, версальско-вашингтонская, ялтинско-потсдамская. Уже из названий видно, что переформулирование миропорядка случалось по результатам больших войн.

Окончание холодной войны, шедшей в контексте ялтинско-потсдамской системы, заставило как теоретиков, так и политиков вновь обратиться к концепту «мировой порядок». М. С. Горбачев обрисовал контуры нового мирового порядка, основанного на плюрализме, толерантности и кооперации, во время выступления 7 декабря 1988 г. на Генеральной ассамблее ООН. Надежда на установление подобного миропорядка проявлялась в 1980–1990-х гг. и в речах Дж. Буша, и в работах Ф. Фукуямы. Однако события последующих десятилетий показали, что во многом шло нарастание анархии и хаоса в международных отношениях. Сегодня очевиден плюрализм концепций миропорядка у различных международных акторов. Такие тенденции, как глобализация, развитие технологий, рост политического самосознания групп и индивидов, множество политико-социальных моделей государственного развития, многообразие акторов делают среду мировой политики гетерогенной и затрудняют нахождение общего понимания моделей сосуществования.

Г. Киссинджер называет современный мир миром противоречивых реальностей. Это противоречие между миропорядком, основанным на суверенных государствах, и реальным миром, в котором взаимодействуют многочисленные и разнообразные негосударственные акторы, позволяет говорить о постмеждународных отношениях, которые невозможно рассматривать как исключительно межгосударственные [8]. Все же государства остаются основными игроками международной арены. От нахождения точек соприкосновения между ними зависят контуры будущего мировой политики. Именно при непосредственном столкновении интересов – «реальных» или воображаемых – наиболее могущественных государств конфликты обостряются вплоть до ведения боевых действий с тысячами погибших.

Так, украинский кризис продемонстрировал нарастание противоречий между Россией, ЕС и США. Россия как государство – наследник СССР выражает недовольство гегемонией США на мировой арене и экспансией в пространство, которое Россия считает своей сферой интересов; ЕС как инновационный тип надгосударственного образования вынужден думать об изменениях, которые влечет за собой относительное ослабление США как провайдера безопасности для ЕС; США как держава – победительница в холодной войне также сталкивается с появлением новых центров силы, такими как Китай, с новыми вызовами безопасности в лице сетевых террористических организаций и пр.

Концептуализацию мирового порядка с позиции США, ЕС и России позволяют проанализировать недавние программные тексты. Так, уже упомянутый Г. Киссинджер в 2014 г. опубликовал книгу *World Order*, о новом миропорядке рассуждает его коллега Збигнев Бжезинский, президент России В. В. Путин сформулировал видение контуров миропорядка 24 октября 2014 г.

на заседании клуба «Валдай»; европейские политологи Иван Крастев и Марк Леонард представили свою концепцию под говорящим названием *New European Disorder*. Представляется, что на фоне разногласий, которыми на момент написания статьи отмечены отношения России, с одной стороны, и США, и ЕС – с другой, важно сравнить их концепты мирового порядка и понять, насколько их противоречия вызваны ключевыми различиями в интерпретации состояния мирового порядка.

В определении внешней политики США ключевую роль традиционно играют сторонники политического реализма. Отечественные эксперты в основном соглашаются, что принципиальных различий во внешней политике представителей двух партий нет, отмечая, впрочем, более жесткую риторику республиканцев [4]. Среди представителей политического реализма с Демократической партией прочно ассоциируются Дж. Кеннан, З. Бжезинский, тогда как Дж. Шульц, Р. Страус-Хюпе и Г. Киссинджер представляются связанными с Республиканской партией. Подобное разделение ученых-международников на демократов и республиканцев иллюстрирует, например, высказывание Уолтера Рассела Мида: «Бжезинский – Генри Киссинджер Демократической партии» [5]. И Киссинджер, и Бжезинский, как и многие другие реалисты, не ограничиваются академическими исследованиями, но стремятся непосредственно влиять на формирование внешней политики США [3, с. 58]. Представляется все же уместным провести сравнение идей Г. Киссинджера и Зб. Бжезинского о современном миропорядке и месте в нем США, чтобы проверить, существуют ли в их высказываниях какие-либо принципиальные расхождения, оказывающие влияние на внешнюю политику республиканцев и демократов.

При сопоставлении недавних интервью, а также вышедшей в свет в 2014 г. книги Г. Киссинджера «Мировой порядок» и изданной в 2012 г. работы З. Бжезинского «Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис», сразу же привлекает внимание то, что они оба разделяют основные постулаты классического реализма. Международные отношения для них анархичны, не регулируются какими-либо наднациональными институтами или международными арбитрами. Оба также рассматривают международную политику как взаимодействие наиболее могущественных государств и союзов государств, причем могущество и распределение силовых потенциалов, а также относительный рост или спад могущества основных игроков для обоих остаются главнейшим предметом анализа.

Так, Бжезинский среди причин политической нестабильности в первую очередь называет изменяющееся распределение сил. Серьезную угрозу геополитической стабильности, по его мнению, представляет растущая мощь Китая. Кроме того, другие поднимающиеся державы – Бразилия, Россия, Индия – конкурируют за ресурсы, безопасность, экономические выгоды. Вследствие этого, полагает Бжезинский, растут риски просчетов и вероятность возникновения конфликтов [6]. Возрастающему могуществу Китая и России уделяет особое внимание и Киссинджер. При этом оба они констатируют, что на данный момент США продолжают занимать уникальное положение единственной сверхдержавы, хотя в будущем их могущество будет снижаться.

И у Бжезинского, и у Киссинджера практически единственным методом решения проблем современного мира остается искусное маневрирование США в духе *Realpolitik*. При этом Бжезинский признает «глобальное политическое пробуждение» широких масс. Однако для него это становится всего лишь еще одной задачей, которую должны решать США. Так, еще 18 июня 2007 г. в интервью, которое Чарли Роуз брал у Бжезинского, Киссинджера и Брента Скоукрофта, Бжезинский отмечал, что данное «политическое пробуждение» по всему миру – серьезный вызов для Америки. «Если Америка хочет сохранить свое лидерство, мы должны научиться отвечать на эти новые запросы» [6], – подытоживает Бжезинский.

Б. Скоукрофт, советник по национальной безопасности в администрациях Дж. Форда и Дж. Буша, 21 января 2015 г. на слушаниях в комитете сената США по вооруженным силам подчеркивал, что глобализация подрывает вестфальский миропорядок, выстроенный из единственного типа элементов – суверенных государств. По его мнению, это чрезвычайно усложняет управление миром. Эрозия этой системы представляет собой особенные трудности для США, поскольку, заявляет Скоукрофт, именно США «были на переднем крае либерализации вестфальского мира с тем, чтобы сделать его более справедливым для всех» [11]. Выступавший следом Бжезинский отметил, что во всем согласен со Скоукрофтом. Далее он указывает на все те же вызовы, с которыми Америка сталкивается в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке. Предлагаемые рецепты – сдерживание России с помощью НАТО. Однако нельзя допустить нарастание противостояния с Россией, поскольку угрозы на Ближнем Востоке надо сдерживать совместно с ней.

На слушаниях в том же комитете сената 29 января 2015 г. Киссинджер заявлял, что в краткосрочной перспективе наибольшую угрозу самой структуре современного мира суверенных государств представляет Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ). Выступавший там же Дж. Шульц также называл ИГИЛ одной из главных угроз современной системе государств. Председатель комитета Джон Маккейн и остальные выступавшие на обоих слушаниях были единодушны в своих речах, которые можно подытожить следующим образом: вестфальский миропорядок, основанный на суверенном государстве, и стратегическая однозначность противостояния холодной войны уходят в прошлое. Главные угрозы системе суверенных государств – негосударственные акторы, такие как ИГИЛ, а кроме того – Россия, поскольку она посягает на незыблемость суверенитета других государств. В качестве метода противодействия России предлагается оказывать помощь Украине, однако без приема ее в НАТО и доведения дела до ожесточенного противостояния с Россией. Фактически предлагается классическая тактика баланса сил. Серьезную угрозу, по мнению всех этих экспертов, также представляют растущая мощь Китая и ядерные амбиции Ирана, направленные на наращивание его могущества.

Эти высказывания коррелируют с положениями, высказанными В. В. Путиным 24 октября 2014 г. на заседании клуба «Валдай». Путин упоминает исключительность положения США, отмечает, что «Восток занимает все более значимое место в мире и в экономике, и в политике», и приходит к выводу, что

«зависимость от одной супердержавы, конечно, будет объективно снижаться» [1]. Как и американские политики, сравнивавшие стратегическую понятность периода холодной войны с комплексным характером современных угроз, Путин признает, что «задача достижения глобального равновесия превращается в достаточно сложную головоломку» [1]. Вполне в духе высказываний Киссинджера и Бжезинского он также утверждает, что «успех, реальный результат возможен лишь в том случае, если ключевые участники международной жизни смогут договориться о согласовании базовых интересов» [1].

Примечательно, что эти базовые интересы в понимании американских политиков практически совпадают с пониманием этих интересов В. В. Путиным. Все они говорят о росте и снижении могущества стран, о регулировании, правилах игры, по которым должны выстраиваться отношения суверенных государств. Все они постоянно ссылаются на исторические примеры как для иллюстрации своих умозаключений, так и для обоснования либо критики той или иной страны. Их положения прекрасно вписываются в классический реализм в духе Г. Моргентау.

Украинский кризис подтолкнул и европейцев задуматься о пределах распространения европейского порядка. Как утверждают И. Крастев и М. Леонард [10], предполагалось, что он распространится на весь континент, однако он вынужден отступить и пересмотреть принципы своего взаимодействия с окружающими его другими порядками. Так, миропорядок России – это фактически граница распространения европейского мирового порядка. Интересна близость этого тезиса к выражениям вильнюсской речи 2006 г. вице-президента США Ричарда Чейни. Он подчеркивал, что прибалтийские государства лежат на пограничной черте свободного общества в современном мире [12]. События после окончания холодной войны он описывал как отступление империи и наступление свободы.

С точки зрения темпоральной характеристики европейский порядок – это поствестфальский, постмодернистский мир. Опыт двух войн заставил Европу искать новые пути организации межгосударственного взаимодействия. Это привело к европейской интеграции, выразилось в отходе от основных принципов вестфальского порядка – порядка периода европейской модерности, в основе которого лежит принцип невмешательства во внутренние дела других государств. Постмодернизм нового интеграционного европейского порядка выражается в других принципах организации: прозрачности границ, территориальной дезинтеграции и взаимозависимости. Это мир, в котором, по выражению Крастева и Леонарда, карты вышли из моды. Этим он отличается от миропорядка, каким его видит Россия (табл.).

Европейский порядок претендовал на универсальность, европейцы были убеждены в его привлекательности. По их мнению, экономическая взаимозависимость и продолжающаяся конвергенция образа жизни будут основным фактором безопасности в мире [10]. Поэтому это был трансформационный порядок, направленный на изменение окружающей среды, устремленный в будущее. Начавшийся как воображаемый (*imagined*), этот порядок предлагал копировать свою когнитивную структуру тем государствам и народам, которые не

стояли у его истоков. Постмодерность наступила еще не для всех и могла наступить только для тех, кто разделил принципы европейского порядка. Кризис распространения европейского порядка произошел, когда он натолкнулся на границы другого порядка, отличного от европейского.

Таблица

Сопоставление институтов вестфальского и европейского постмодернистского порядка

Вестфальский порядок (модерность)	Постмодернистский порядок
Территориальная целостность	Территориальная дезинтергация
Закрытость границ	Открытость границ
Суверенитет как основа легитимности	Мягкий суверенитет, понимаемый как правовая основа
Политическая независимость	Финансовая и экономическая взаимозависимость
Национализм	Постнационализм
Военная мощь	Экономическая мощь
Монокультурная идентичность	Мультикультурная идентичность

Европейский порядок, развитый (advanced), по мнению европейцев, оказался, как показала ситуация на Украине, несовместимым с российским. Европейский порядок, который кажется европейцам лучшим из возможных, кажется русским лицемерным и нестабильным. Порядок, построенный на благожелательной силе, русскими воспринимается как угроза. Россия так и не стала частью общего европейского дома, который приветствовал Горбачев. Российский порядок, по мнению Крастева и Леонарда, построен на принципах европейской модерности: национальном государстве, суверенитете, независимости. Замечательно то, что авторы озаглавили свою статью *The New European Disorder*, противопоставляя европейский постмодернистский вариант мироустройства традиционному вестфальскому.

Установление восточных границ европейского постмодернистского порядка показало, что его распространение возможно только в открытой внутри, но закрытой по внешним границам экосистеме. Крастев и Леонард приводят аналогию с Галапагосскими островами, природа которых, не вступая во взаимодействие с внешним миром, создала уникальные и совершенные виды. Оказалось, что постмодернистский европейский порядок исключителен, а вовсе не универсален. Украинский кризис очертил границы европейского порядка, провел черту между внешней и внутренней средой этого порядка. Европейцам Россия видится крепостью, замком, цивилизацией, закрытой от внешнего влияния. Как пишет в рецензии на работу Крастева и Леонарда В. Иноземцев, «политологи смешивают понятия “европейского порядка” (которого, мне кажется, никогда не существовало) и постмодернистскую структуру Евросоюза, где на деле осуществлены многие политические новации» [2]. Конкурент европейского порядка в виде России заставляет авторов пересмотреть ареал распространения, с одной стороны, сузив его до ЕС, а с другой стороны, расширив до Запада. Представляется, что в этом случае мы наблюдаем проявление традиционно-

го рефлекса расширительной трактовки европейского мира, который, с опорой на общие ценности, может включать США.

В отличие от европейского порядка миропорядок Путина глобален. Но в нем есть «тенденции к экономической и финансовой суверенизации, стремление государств или их региональных объединений тем или иным способом застраховаться от рисков внешнего давления» [1]. И Крастев, и Леонард, и Путин, и Бжезинский видят тенденцию к появлению региональных центров силы, плюрализму мировых порядков. Один мировой порядок распадается на мировые порядки, живущие в разное время, по разным принципам. Эти порядки будут находиться в интенсивной конкуренции между собой.

Американский порядок, по Киссинджеру, имеет глобальное распространение. Однако, в случае с мировым порядком США, сделать вывод о том, принадлежит он модерности или постмодерности, непросто. США действуют как глобальный гегемон, для описания их порядка Киссинджер использует термин *transcendent* – «превосходный», «трансцендентный». США живут в историческом времени, характерном для империй. Для некоторых гегемония США благотворна. Так, «галапагосская экосистема» ЕС возможна во многом благодаря американскому ядерному «зонтику» над ней. Киссинджер, как и Путин, основной целью мирового порядка видит достижение стабильности. Оба считают, что стабильность и отстаивание универсальных принципов не всегда совместимы с положением о невмешательстве в дела суверенных государств. Оба признают, что вестфальская система требует модернизации, однако европейская поствестфальская модель вряд ли будет принята ими за образец. Скорее всего, мир будет разделен на большие регионы с одним центром силы внутри каждого. Эти региональные образования будут иметь общую идеологию, разделять видение на то, как должен быть устроен мир внутри этих крупных регионов, но общей концепции, модели и правил того, каким образом эти регионы будут взаимодействовать между собой, пока не вырисовывается. При этом представители США и России настолько сходным образом оперируют положениями классического реализма, что отличаются только оценкой роли США в мире – положительной по мнению Бжезинского, отрицательной по мнению Путина. При отличии европейской оценки от американских и российских взглядов объединяет всех то, что миропорядок будущего представляется всем в виде миропорядка регионов, складывающихся вокруг полюсов-государств или квазигосударственного ЕС.

Список литературы

1. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/46860> (дата обращения: 18.02.2015).
2. *Иноземцев В. Л.* Подлинник и подделка. Возможно ли взаимодействие между ЕС и ЕАЭС? / В. Л. Иноземцев [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/38469111/podlinnik-ipoddelka> (дата обращения: 18.02.2015).
3. *Победаш Д. И.* Профессура правит миром: политический реализм и правящая элита США / Д. И. Победаш // Изв. Урал. гос. ун-та. – 2006. – № 45. – С. 56–64.

4. *Пушков А.* Усиление республиканцев в США обещает неблагоприятный вектор для России [Электронный ресурс] / А. Пушков. – URL: <http://itar-tass.com/politika/1552090> (дата обращения: 18.02.2015).
5. *Brzezinski Z.* Strategic Vision // Blog Entries by Zbigniew Brzezinski. January 30, 2012. – Z. Brzezinski [Electronic resource]. – URL: <http://www.huffingtonpost.com/zbigniew-brzezinski> (mode of access: 14.02.2015).
6. *Brzezinski Z.* Strategic Vision [Electronic resource] / Z. Brzezinski. – URL: <http://www.huffingtonpost.com/zbigniew-brzezinski/strategicvision.html> (mode of access: 19.02.2015).
7. Charlie Rose interviews Zbigniew Brzezinski, Henry Kissinger, Brent Cslowcroft // Transcript of the Charlie Rose Show of June 15, 2007 [Electronic resource]. – URL: http://www.nytimes.com/2007/06/18/world/americas/18iht-web-rose.html?pagewanted=all&_r=0 (mode of access: 11.02.2015).
8. *Ferguson Y. H.* Post-internationalism and IR Theory / Y. H. Ferguson, R. W. Mansbach // Millennium – Journal of International Studies. N. 35, 2007 [Electronic resource]. – URL: <http://mil.sagepub.com/cgi/content/abstract/35/3/529> (mode of access: 12.02.2015).
9. Global Challenges and the U. S. National Security Strategy. January 29, 2015 [Electronic resource]. – URL: <http://www.armed-services.senate.gov/hearings/15-01-29-global-challenges-and-the-us-national-security-strategy> (mode of access: 12.02.2015).
10. *Krastev I.* The New European Disorder / I. Krastev, M. Leonard [Electronic resource]. – URL: http://www.ecfr.eu/publications/summary/the_new_european_disorder322 (mode of access: 13.02.2015).
11. National Security Threats. Former National Security Advisers Zbigniew Brzezinski and Brent Snowcroft testified at a Senate Armed Services Committee hearing on threats to U. S. national security. January 21, 2015 [Electronic resource]. – URL: <http://www.c-span.org/video/?323887-1/hearing-national-security-threats> (mode of access: 13.02.2015).
12. Vice President's Remarks at 2006 Vilnius Conference. May 4, 2006 [Electronic resource]. – URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/05/20060504-1.html> (Mode of access: 14.02.2015).

«World Order», «Miroporyadok» and «European Disorder»: Competing Concepts

M. O. Guzikova, D. I. Pobedash

B. N. Yeltsin Ural Federal University, Yekaterinburg

Abstract. Cognizant of increasing chaos in world politics, American, European, and Russian politicians discuss the need to regulate the emerging world-order. The article compares typical concepts the politicians use to describe the new world-order. To analyze the American perspective, those authors look at views of both republicans and democrats. President Putin stated the Russian position at the 2014 Valdai club meeting. To understand the European view the authors use the article “The New European Disorder” by I. Krastev and M. Leonard. The article differentiates approaches to describing a new world-order, values that can serve as a basis for world-order models, as well as temporal and spatial dimensions of the above models. Comparing these models seems relevant and timely, as there appear new challenges in world politics and relations between Russia and the West are increasingly riven by discord. Both American and Russian thinking about this world-order is done within the framework of

modernity and is based on assumptions of classical political realism. The European post-modern post-Westphalian model contradicts the very idea of sovereignty and is unlikely to serve as the basis for a global world-order. While the European view differs from the Russian and the American ones, all see the future as a world-order of regions.

Keywords: world order, Russia, USA, Europe, concept, Westphalian and Post-Westphalian order.

Гузикова Мария Олеговна

*кандидат исторических наук, заведующая, кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках; доцент, кафедра зарубежного регионоведения, Институт социальных и политических наук
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51-240
тел.: 8(343)3754507
e-mail: mariagu@mail.ru*

Guzikova Maria Olegovna

*Candidate of Sciences (History),
Head, the Department for Linguistics
and Professional; Communication
in Foreign Languages, Institute of Social and
Political Sciences
B. N. Yeltsin Ural Federal University
240, 51, Lenin av., Yekaterinburg, 620083
tel.: 8(343)3754507
e-mail: mariagu@mail.ru*

Победаш Дмитрий Иванович

*кандидат исторических наук, доцент,
кафедра теории и истории международных отношений, Институт социальных и политических наук
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина 51-240
тел.: 8(343)3754507
e-mail: pobedash@mail.ru*

Pobedash Dmitry Ivanovich

*Candidate of Sciences (History), Assistant
Professor, Department of Theory and History
of International Relations, Institute of
Social and Political Sciences
BN Yeltsin Ural Federal University
240-51, Lenin av., Yekaterinburg, 620083
tel.: 8(343)3754507
e-mail: pobedash@mail.ru*